

ОГЛАВЛЕНИЕ

МОНОКЛОН	7
ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ	24
ТИМКА	33
ГУБЕРНАТОР	76
ЧЕРНАЯ ЛОШАДЬ С БЕЛЫМ ГЛАЗОМ	101
69-Я СЕРИЯ	120
ВОЛНЫ	137
ПУТЕМ КРЫСЫ	154
СМИРНОВ	180
КУХНЯ.	206
ЗАНОС	213

· Моноклон ·

Моноклон — крупный растительно-ядный динозавр юрского периода мезозойской эры. Передвигался на четырех ногах. На его панцирной голове со щитовидным воротником был один большой рог.

Виктор Николаевич проснулся от странного, нелепого сна. Ему приснился покойный отец, довоенный Весьегоньск, свадьба дяди Семена и Анны, на которой он побывал десятилетним мальчиком. Во сне все было почти как тогда, в далеком 1938-м, но он сам почему-то был уже нынешним стариком, и отец звал его дедом Витей. Его посадили во главу стола, отец сидел рядом и все время подливал ему вкусного, легкого, как березовый сок, самогона, от которого дед Витя, будучи по сути мальчиком, сильно захмелел и уже не мог сидеть, а упал под стол и, хохоча, стал хватать всех за ноги, отчего собравшиеся разозлились и принялись сильно пихать и бить его сапогами, гадя, что дед Витя опозорился. Потом

его подхватили и поволокли вон из дома, а он от опьянения не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, и ему стало так смешно, так весело, что он хохотал, хохотал дико до тех пор, пока не разрыдался.

Разлепив веки, полные слез, он поморгал ими. Слезы скатились по щекам на подушку. Потом он долго лежал, глядя в потолок с чешской хрустальной люстрой, купленной покойной женой в середине семидесятых в магазине “Свет” на Ленинском проспекте.

Дурацкий сон спутал мысли. Лежа и теребя пальцами край одеяла, Виктор Николаевич приводил мысли в порядок: в двенадцать придет Валя сделать последний укол, потом надо сходить в булочную, после обеда обещал зайти Коржев, сыграть в шахматы, а вечером должен заехать Володя. А завтра — идти за пенсией. И завтра будет готово белье, Володя заедет и получит. Жаль, что не сегодня, он бы по пути и заехал, а завтра ему опять придется кругалю давать.

— Весьегоньск... — произнес он, откинул одеяло и сел на кровати.

Нашарив ногами тапочки, скосил глаза на тумбочку: часы “Янтарь”, газета “Известия”, сборник кроссвордов, книга Суворова “Ледокол”, томик стихов Вероники Тушновой, ста-

кан кипяченой воды, очки для чтения, фигурка Дарта Вейдера, подаренная семилетним правнуком, валокордин, упаковка церебролизина с последней ампулой, упаковки ноотропила, сонапакса, феназепамы, фуросемида, но-шпы и папазола.

Взял сонапакс, выдавил из кассеты таблетку, сунул в рот, запил водой.

Посидел, щурясь на солнце в просвете штор, шлепнул себя по коленкам, встал. Пошел в ванную, шаркая тапочками по старому паркету:

— Весьегоньск... Весь-е-гоньск...

Зажег свет в ванной, вошел, спустил полосатые пижамные штаны, осторожно сел на унитаз. Посидел, жуя сухими губами, почесывая колено. Помочился медленно, с перерывами. Заворочался, пожевывая, серьезно вцепился в колени. Напрягся, опустив голову. Дряблые складки на шее угрожающе собрались под упрямым подбородком.

Тужась, закричал. Замер. Но недовольно выдохнув, покачал головой, расслабился, распрямляясь:

— Горные вершины спят во тьме ночной...

Встал, подтянул штаны, спустил воду, подошел к раковине, глянул в зеркало. Из зеркала на него уставился восьмидесятидвухлетний Виктор Николаевич.

— Гутен морген, — сказал ему Виктор Николаевич, взял зубную щетку, слегка трясущейся рукой выдавил на нее пасты и стал чистить свои ровные новые зубы.

Вычистив, сплюнул, прополоскал рот, умыл лицо, долго вытирал его розовым полотенцем. Затем снял с себя пижаму, повесил на крючок и осторожно, не торопясь, шагнул через бортованны, схватился за металлическое кольцо, подтянул другую ногу. Открыл воду, отрегулировал, снял трубку душа с рычажков, похожих на довоенные телефоны, переключил воду, направил струю на свои худые ноги. Убедившись, что вода теплая, направил ее на свое худощавое, смуглое тело с обвислым животом. На теле было два старых шрама: на левом бедре, когда в 58-м на охоте его задел клыками раненый кабан, и на правом локте, когда в 91-м он сломал руку, поскользнувшись возле своего подъезда. Еще на теле виднелись две татуировки: посередине груди орел, когтящий змею, а на левом плече сердце, проткнутое двумя кинжалами, и еле различимая надпись “Нина”. Обе татуировки были старыми, пятидесятих годов.

Виктор Николаевич поливал свое тело из душа, опустив голову, отчего складки на шее снова угрозительно собрались, а нижняя губа сумрачно отвисла.

— В сто концов убегают рельсы... — проговорил он, вспомнив песню Пугачевой. — По рельсам... и по шпалам, по шпалам, по шпалам...

Выключил воду, взялся за кольцо, с осторожностью перенес свое тело из ванны на коврик. Снял полотенце и долго вытирался. Облачился в халат красного шелка, вздохнул, вышел из ванны и направился на кухню, шаркая тапочками. Но за окнами большой комнаты что-то зашумело. Виктор Николаевич прошаркал в большую комнату, подошел к окну.

Поседевшие брови его удивленно поползли вверх: весь Ленинский проспект, простирающийся под окнами, был заполнен молодежью в одинаковых серебристых скафандрах и белых гермошлемах с надписью “СССР”.

— Космонавты! — удивленно пробормотал Виктор Николаевич.

И сразу вспомнил:

— Сегодня ж 12 апреля! День космонавтики, сволочи дорогие! Мать честная!

Пораженный, он покачал головой. Сотни, тысячи космонавтов заполняли проспект. Машин не было. По краям у домов темнели зеваки.

За свою сорокалетнюю жизнь на Ленинском проспекте он не видел ничего подобного. Случались здесь демонстрации коммунистов в ельцинские времена, было и знаменитое побоище

на площади Гагарина в 1993 году, в трехстах метрах от его дома, когда патриоты из “Трудовой Москвы” схватились с ельцинским ОМОНОм. Но такого не было еще никогда.

Виктор Николаевич открыл окно, высунулся, радостно завертел головой:

— Ничего себе! Космонавты! Космонавтики!

Восторженно рассмеялся. Весенний ветер зашевелил его редкие седые волосы.

В толпе космонавтов шло какое-то движение, подготовка к чему-то. В центре, в мешанине блестящих на солнце тел стала приподниматься ракета с гербом России на корпусе. Едва она встала вертикально, нос ее откинулся, в ракете показалась фигура в скафандре. Толпа радостно зашумела. Сидящий в ракете приветствовал всех взмахами рук. Потом открыл свой гермошлем, поднял руку, прося тишины. Толпа стихла. С шестого этажа Виктор Николаевич разглядел лицо парня в открытом гермошлеме: черноебровое, скуластое, с птичьим носом.

— Дорогие друзья! — заговорил парень звонким, бодрым голосом, и динамики разнесли этот голос по проспекту. — Сегодня двенадцатое апреля. День космонавтики. В этот день Юрий Гагарин покорил космос, совершив свой героический полет. Наша держава заявила о себе на весь мир и во весь голос. Сегодня здесь, на Гагарин-

ской площади, у памятника первооткрывателю космоса собрались тридцать тысяч молодых россиян. Каждый из вас готов повторить подвиг Гагарина. Потому что в душе каждого из вас живет любовь к своей родине, желание сделать ее еще более могущественной, еще более свободной! И мне из этой ракеты сейчас кажется, друзья, что сегодня каждого из вас зовут Юрий!

Толпа зашумела.

— Каждый патриот России — космонавт в душе! Наш президент — космонавт номер один!

Толпа зааплодировала.

— А уж наш премьер — космонавт из космонавтов!

Толпа радостно заревела.

Выступающий подождал, пока шум стихнет, выдержал паузу и вдруг запел:

— Заправлены в планшеты космические карты...

— И штурман уточняет в последний раз маршрут! — тут же подхватила толпа.

— Давайте-ка, ребята, покурим перед стартом, у нас еще в запасе четырнадцать мину-у-у-ут! — подпел толпе Виктор Николаевич с шестого этажа.

Сзади в комнате, на письменном столе зазвонил телефон. Виктор Николаевич недовольно обернулся, заспешил к столу, снял трубку, приложил к уху, возвращаясь с трубкой к окну. Звонил сын Володя.

— Вов, тут у меня под окнами такое творится!
Тридцать тысяч космонавтов!

Говоря по телефону, он высунулся в окно.

— А? Что? Это не бред, дорогой мой, а кра-со-та!
Послушай, как поют!

Он протянул руку с телефоном из окна. Худая рука закачалась в воздухе. Виктор Николаевич подождал, потом втянул ее в комнату, приложил трубку к уху:

— Слышал? Вот! Это эти... как их... ну, идут которые? “Мы вместе”? Как их? Да! Да! Собрали тридцать тысяч, можешь себе представить? Сегодня же День космонавтики, сынок! Вот так! А? Что? Нет. А чего? Валя? Так она же в двенадцать прибудет. Да? Ну, пусть раньше, я не против. Я попозже только в булочную... Да. Хорошо, Вов. В данный момент просто прекрасно! Настроение великолепное! Готовность — номер один! Выхожу на орбиту! Да. Да. А белье завтра. Хорошо. Жду вечером.

Он нажал на трубке красную кнопку, положил ее на подоконник. За окном пела блестящая толпа:

На пыльных тропинках
Далеких планет
Останутся наши следы!

Улыбаясь поющим вместе, Виктор Николаевич закрутил головой, оглядываясь: кто из соседей сле-

дит за происходящим? Но высунулись только молодые Рубинштейны с третьего этажа, девчонка Горбунова с четвертого и еще какая-то пара внизу. А на шестом и пятом никто окон не раскрыл.

Виктор Николаевич сжал жилистый кулак, выкинул в окно и крикнул:

— Слава героям космоса!

Рубинштейны и Горбунова услышали, глянули снизу, замахали ему.

В дверь позвонили.

— Чего? — недовольно обернулся он.

Понял, что это Валя приперлась пораньше, как только что сообщил ему Володя.

— Твою мать... — сплюнул весенним воздухом Виктор Николаевич. — Всегда вовремя!

Качая головой, зашаркал в прихожую.

— Взбрело ей именно сию минуту... куда летит ночное такси, лети, лети, меня вези...

Недовольно бормоча и напевая, щелкнул замком, размашисто распахнул дверь:

— Валя, быстрее! Я вам щас такое покажу!

За дверью стояли трое мужчин. Один из них тут же пихнул Виктора Николаевича в грудь. Виктор Николаевич отшатнулся, попятился назад, но не упал. Трое вошли в темную прихожую, хлопнули за собой дверь.

— Хороший день, — спокойно произнес один из них, что повыше, выходя из прихожей.